

DOI: 10.19181/smtp.2022.4.2.13

О РОЛИ РОССИЙСКОЙ НАУКИ В ВОЗРОЖДЕНИИ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Криворучко Владимир Викторович¹

¹Независимый исследователь, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Анализируются актуальность и проблемные вопросы перехода к качественно новой форме стратегического планирования в Российской Федерации – централизованному проектному государственному планированию социально-экономического развития страны и обеспечения национальной безопасности. Отмечены потенциальные возможности такого планирования для повышения эффективности стратегического управления и обеспечения выживания России перед лицом новых вызовов и угроз со стороны коллективного Запада. Рассмотрены возможности и намечены актуальные задачи отечественной науки в деле ренессанса централизованного государственного планирования на новой методологической и научно-технологической основе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

перспективное планирование, автаркия, технократия, денежная эмиссия

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Криворучко В. В. О роли российской науки в возрождении централизованного государственного планирования // *Управление наукой: теория и практика.* 2022. Т. 4, № 2. С. 123–142.

DOI: 10.19181/sntp.2022.4.2.13

НЕСОВЕРШЕНСТВО РОССИЙСКОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Организованная и усиливаемая в последние годы странами Запада изоляция России от мировой экономики путём глобальной финансовой, торговой, транспортной, научно-технологической и гуманитарной блокады в сочетании с военной эскалацией в Европе преследуют цель надорвать и решительно ослабить нашу страну, развивающуюся на руинах СССР.

Экономический надрыв, подкреплённый информационно-психологической войной, по замыслам геополитических противников России, чреват разжиганием «цветной революции», регионального и национального сепаратизма, социальными катаклизмами и духовным упадком. Посредством как мягкой, так и грубой (военной) силы русской цивилизации навязывается её «закат» и колониальный сырьевой статус в «глобальном партнёрстве» под протекторатом Запада (государств Большой семёрки).

В данных обстоятельствах возникает объективная необходимость проектировать выживание и дальнейшее развитие нашей страны, в том числе на принципах автаркии (от др.-греч. αὐτάρκεια – самообеспеченность, самодостаточность) [1]. Примечательно, что эмоциональное понятие «выживание» в обстоятельствах, когда помимо текущих расходов на оборону требуются дополнительные ресурсы на ведение реальных военных действий, начинает сегодня пониматься содержательно глубже, чем традиционное «обеспечение национальной безопасности».

В этом контексте крайне актуальной и злободневной видится проблема несовершенства отечественного *перспективного планирования* как одного из главных механизмов стратегического государственного управления. Слово «перспективное» хотя и порождает некую тавтологию (любой план имманентно перспективен), всё же употребляется далее с целью разграничения с территориальным, финансовым и иными разновидностями планирования.

Указанная проблема порождена, с одной стороны, фундаментальными методологическими трудностями предвидения будущего в динамично меняющемся мире, с другой – отсутствием в России на федеральном и региональном уровнях суверенного опыта стратегического целеполагания и планирования в условиях рыночного капитализма и конкурентного участия в мировой долларовой экономике. Причём в обстоятельствах, когда практически единственный фактор производства, который у нас изначально дешевле, – это сырьё и продукция низких переделов.

Осмысливая сопутствующие особенности, представляется важным дополнительно отметить ещё два фактора: внутренний и внешний. Во-первых, количество дофамина, эндорфинов и других «гормонов счастья», вырабатываемых в организме россиянина, существенно сильнее коррелирует с проявлением справедливости, нежели с предвосхищением и получением прибыли. Во-вторых, в условиях беспощадной мировой экономической и ментальной войны [2] у России, по-видимому, уже не остаётся времени «медленно запрягать», чтобы лишь потом «быстро ехать».

Российские фабрики мысли в лице институтов РАН, исследовательских университетов и правительственных научных учреждений, отдельных видных учёных-экономистов после ликвидации в 90-х годах Госплана и Госнаба СССР проблемой перспективного планирования официально если и занимались, то лишь в свете либеральных экономических реформ. Иные подходы государством не заказывались и не оплачивались.

Правовая основа перспективного планирования применительно к российским условиям была заложена лишь в XXI веке – принятием Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Он призван урегулировать отношения субъектов («участников») стратегического планирования на федеральном, региональном и муниципальном уровнях в процессе целеполагания, прогнозирования и собственно «планирования» (программирования). Впервые в новейшей российской истории понятие «стратегическое планирование», употребляемое в стандартах высшего экономического образования в основном в контексте менеджмента предприятия, было законодательно поднято на общенациональную высоту, охватив при этом всё перспективное, а также территориальное планирование и иные формы осознанного предвидения будущего: целеполагание, прогнозирование, программирование.

На практике, однако, до настоящего времени не удалось ни де-юре, ни де-факто скрестить предусмотренное законом стратегическое планирование, а с ним и стратегическое управление с другими необходимыми для развития страны ипостасями – бюджетной политикой, бюджетным планированием и деятельностью Центрального банка России. Его основной функцией, согласно Статье 75 Конституции Российской Федерации, обозначена и пока ещё остаётся всего лишь защита и обеспечение устойчивости рубля («таргетирование инфляции») при одновременной монополии на денежную эмиссию и государственную денежно-кредитную политику.

Аналогичная судьба постигла положения рамочного закона от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации», декларации которого о необходимости «слезть с нефтегазовой иглы» не подкреплялись бюджетированием.

В итоге стратегическое программирование, как финальный этап планирования, на федеральном уровне свелось к разработке и реализации более сорока слабо скоординированных государственных программ (включая государственную программу вооружения), формируемых по существу «от достигнутого» и исполняемых вразнобой многочисленными ведомствами в статусе главных распорядителей бюджетных средств под скаредным присмотром Минфина России и методическим руководством Минэкономразвития России.

Следует заметить, что 10-летняя государственная программа вооружения в силу своей специфики стоит здесь некоторым особняком и могла бы послужить примером тесной увязки долгосрочных потребностей и имеющихся ресурсов. Неслучайно ещё в майских указах Президента Российской Федерации 2012 года речь шла о создании «качественно новой системы анализа и стратегического планирования в области противодействия угрозам

национальной безопасности на период от 30 до 50 лет в интересах формирования государственных программ вооружения». На практике, однако, и в сфере вооружения имеет место программный разнобой¹.

Попыткой сдержать неблагоприятный рост управленческой энтропии и осмысленно упорядочить грядущее будущее страны стала президентская идея «национальных целей» и «национальных проектов (программ)» (Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»), впрямую не предусмотренных Федеральным законом «О стратегическом планировании...».

С учётом этой идеи с 2022 года вводится «система управления государственными программами», положение о которой утверждено Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 мая 2021 г. № 786.

Однако публично признанных результатов идея национальных проектов пока не принесла. А утверждённый упомянутым выше указом Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 года, разработанный Минэкономразвития России, к настоящему времени не сбился ни по одному из сценариев (базовый, целевой и консервативный), пополнив череду несбывшихся предыдущих прогнозов такого рода.

Степень организационно-бюрократических сложностей на тернистом пути страны в будущее иллюстрирует предпринятая в 2020 году Правительством Российской Федерации реформа в существенной мере показных инновационных «институтов развития», созданных в России в предыдущие годы. Однако взявшее старт после развала СССР, в условиях плохо приживающейся на российской почве рыночной экономики, шарахание в сфере перспективного планирования и стратегического управления наблюдается и поныне.

При этом оно сопровождается изобретением всё новых управленческих сущностей (с изрядной долей словоблудия [3]), типа модных ещё вчера «технологических платформ», «центров компетенций Национальной технологической инициативы» и новомодных сегодня «федеральных инновационных площадок». Такая практика существенно маскирует малорезультативное исполнение бюджетных государственных программ (подпрограмм), связанных с научно-технологическим и иными аспектами развития. Примечательно, что в этом особенно преуспел «гражданский» сегмент научно-технической политики.

Так, реализация государственной программы «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы (утверждена Постановлением Правительства от 15 апреля 2014 г. № 301) в 2019 году была досрочно прекращена. Вместо неё теперь исполняется Государственная программа «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» на 2019–2030 годы, утверждённая Постановлением Правительства от 29 марта 2019 г. № 377.

Мало того, на этом фоне в 2021 году руководство Минобрнауки вышло с инициативой о «пересборке» национальных проектов «Наука» и «Образование» в единый проект «Наука и университеты» на 2021–2030 годы, получив своео-

¹ Криворучко В. В. Вооружение в лабиринтах программ // Военно-промышленный курьер. 2020. 16–22 июня. № 22 (835).

бразную фору в ожидании стратегически значимых результатов ещё почти на десятилетие. Благо, 2022–2031 годы объявлены Главой государства «десятилетием науки и технологий» (Указ Президента Российской Федерации от 25 апреля 2022 г. № 231) с образованием соответствующего Координационного комитета, деятельность которого обеспечивается Аппаратом Правительства Российской Федерации.

В этом контексте отчитаться перед налогоплательщиками за результаты исполнения профильных статей бюджета можно будет не только новыми знаниями и технологиями, но и рапортоёмкими конгрессами молодых учёных, научным волонтерством, научно-популярным туризмом и инновационными мероприятиями на федеральной территории «Сириус» в г. Сочи (создана в качестве особого общегосударственного публично-правового образования специальным Федеральным законом от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ).

Объективно неизбежны и другие корректировки в сфере национальных проектов. В том числе в целях снижения критикуемой Счётной палатой Российской Федерации, осуществляющей мониторинг проектов, непрозрачности их результатов², предотвращения коррупции при заключении и исполнении соответствующих государственных и муниципальных контрактов³. А ещё требуется преодолеть последствия пандемии коронавирусной инфекции и другие старые и новые препятствия на пути к социально-экономическому благополучию страны, включая беспрецедентные международные санкции и расходы на специальную военную операцию на Украине.

Проблемы такого рода являются предметом рассмотрения специально образованного в 2018 году Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам и его президиума.

По решению этого органа уже в 2020 году (по прошествии двух лет) заявленные ранее национальные цели развития были честно и публично скорректированы, а сроки их достижения сдвинуты на 2030 год (Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»). Распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 октября 2021 г. № 2765-р утверждён представленный Минэкономразвития России Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года.

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ НА ПУТИ В БУДУЩЕЕ

Второе дыхание отечественному стратегическому планированию принесли разработка и утверждение новой редакции Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 (далее –

² Реализация нацпроектов: первые результаты // Счётная палата Российской Федерации : [сайт]. 2020. 13 января. URL: <https://ach.gov.ru/audit-national/9508> (дата обращения: 27.05.2022).

³ Мишустин обеспокоен коррупцией при реализации нацпроектов // Коммерсантъ : [сайт]. 2020. 28 февраля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4274123> (дата обращения: 27.05.2022).

Стратегия), и опирающихся на неё Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации, утверждённых Указом Президента Российской Федерации от 8 ноября 2021 г. № 633 (далее – Основы).

Указанные документы по-новому высветили в мозаике сущностей перспективного планирования наряду с национальными целями развития так называемые «стратегические национальные приоритеты», под которыми понимаются важнейшие направления обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации.

При этом употребляется и такое понятие, как «национальные интересы», заимствованное российским руководством в 90-х годах в подражание тогдашним заокеанским партнёрам. В своё время академик РАН А. А. Кокошин определил национальные интересы как «осознанные значительной частью общества, и прежде всего подавляющей частью его “политического класса”, потребности государства-нации в самосохранении как культурной исторической общности, в обеспечении стабильности своих общественных и государственных институтов и одновременно в их развитии» [4, с. 6–8]. Сегодня национальные интересы Российской Федерации определены в Стратегии существенно проще и банальнее – как «объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии». Возможность причинения ущерба интересам такого рода порождает, согласно букве Стратегии, «угрозу» национальной безопасности, хотя, надо заметить, от «объективной значимости» может изрядно веять субъективизмом.

В новой редакции Стратегии перечислены 8 «интересов» и 9 перекликающихся с ними стратегических национальных приоритетов, среди которых впервые в новейшей российской истории на первое место поставлено «сбережение народа России и развитие человеческого потенциала», тогда как в предыдущей редакции Стратегии (2015 год) на первом месте значилась «оборона страны».

Возникшая трёхмерная архитектура из национальных целей (проектов), национальных интересов и национальных приоритетов создаёт благообразный политический антураж, но вряд ли распутывает даже на философском уровне известную дилемму: «безопасность через развитие» или «развитие через безопасность». И, очевидно, само по себе ещё не способствует созданию в стране действенных механизмов перспективного стратегического планирования, хоть как-то по результативности сопоставимых с теми, которые были созданы и с успехом применялись в СССР.

Неслучайно деятельность по планированию в Российской Федерации на практике свелась к разработке множества предусмотренных законодательством «документов стратегического планирования» (включая различного рода основы политики, концепции, стратегии, государственные программы и национальные проекты) на федеральном и региональном (включая местное самоуправление) уровнях. Но до сих пор нет единого, научно обоснованного долгосрочного стратегического плана-проекта, определяющего видение судьбы страны в реально обозримой временной перспективе, олицетворяющего пресловутую «националь-

ную идею» и позволяющего личности, обществу и государству предвосхищать и проектировать связанную со своей страной судьбу, заботясь о двух-трёх поколениях своих потомков.

Однако о единых, кратных шестилеткам президентского правления временных циклах перспективного стратегического планирования, его единой логике, синхронизации и координации государственных программ и, что особо показательно, о балансовых расчётах и оценке ресурсной обеспеченности государственных планов в экономике впервые официально заявлено лишь в новоиспечённых Основах.

А есть ли у нас в стране соответствующие компетенции для реализации этих положений Основ? Ведь научной специальности типа «национальная безопасность, государственное стратегическое планирование и стратегическое управление» ни в системе общественных, ни в системе естественных и технических наук, ни в системе так называемых формальных наук в России пока не существует. Не обнаруживается данная тематика и в профильных стандартах высшего образования, где расцвёл «стратегический менеджмент» коммерческого толка – на уровне предприятия (корпорации).

Вместе с тем теоретические основы перспективного макропланирования в отечественном научном комплексе, до сих пор сохраняющем высокую культуру формальных наук (математика, логика, кибернетика, теории информации и информатики, теории систем, включая системный анализ и принятие решений, статистика) и их компьютерных приложений, безусловно, имеются. Да и опыт Госплана СССР, выполнявшего в своё время в том числе ключевые экспертные и научно-координационные функции, а также академические научные наработки в области общегосударственного «народнохозяйственного» планирования ещё сохраняются в архивах и монографиях прошлых лет (см., например, [5; 6]).

Модернизировать и привести теорию перспективного стратегического планирования в Российской Федерации к категории не только общественных, но и точных наук в принципе представляется вполне возможным и посильным для отечественной науки. Ведь задачи планирования подвластны математике и формализуются как задачи оптимального распределения и использования ресурсов (прежде всего денежных инвестиций) для получения *добавленной стоимости*, прибыли, распределения и потребления соответствующих продуктов (процессов, услуг). Что касается вычислительных мощностей для их решения, которых так не хватало Госплану СССР, то они к настоящему времени возросли на много порядков и, очевидно, продолжат свой рост на поприще всеобщей цифровизации, в том числе с использованием перспективных квантовых компьютеров и алгоритмов искусственного интеллекта.

Не будет преувеличением заявить, что все основные компоненты производительных сил могут быть подконтрольны интернету вещей, продуктов и процессов, а значит быть в необходимой мере достоверно наблюдаемы и, следовательно, управляемы в составе так называемых киберфизических производственных систем. При этом «считать» людей (работников), посягая на их право на конфиденциальность и гражданские свободы на рынке трудовых ресурсов, по мере роботизации производств потребуется всё меньше.

Начать формировать единое цифровое информационное пространство в интересах реформы стратегического управления в Российской Федерации представляется возможным с использованием существующих государственных информационных систем и информационных ресурсов органов публичной власти, а также инфраструктуры, обеспечивающей их взаимодействие, включая систему распределённых ситуационных центров.

МИРОВОЙ ОПЫТ И КОНТУРЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЕХНОКРАТИИ

Мировой опыт тотального планирования и управления следует искать в области истории и современных форм технократического движения, противопоставляемого не только классическому рыночному капитализму, но и различным разновидностям социализма (сталинский, советский, рыночный, «с китайской спецификой», христианский, «скандинавская модель», национал-социализм и др.).

Под технократией (от греч. τέχνη, «мастерство» + греч. κράτος, «власть», греч. τεχνοκρατία) в широком смысле понимается общественное устройство, в котором власть в решающей степени принадлежит учёным и техническим специалистам, в том числе выборным, руководствующимся в принятии решений для общего блага принципами оптимальности и объективности, а не только и не столько политическими и идеологическими мотивами, неподвластными формализации, количественному выражению и валидации.

В идеале, это научно обоснованные, принятые в статусе федеральных законов государственные и корпоративные машинные алгоритмы, эффективно управляющие реальным сектором экономики и социальными процессами, которые практически невозможно нарушить. Но можно прозрачно и публично совершенствовать, в том числе с применением интеллектуальных технологий самообучения. Это создаёт предпосылки решительно предотвратить волокиту, бюрократизм, коррупцию и лоббирование корыстных финансово-сырьевых интересов частных лиц в сфере социально-экономического развития страны, да и в сфере обеспечения национальной безопасности тоже.

При всей критике, внешней утопичности и драматизме распространения идей технократии (достаточно вспомнить сталинские репрессии по делу «Промпартии», культовый тоталитаризм в романе Д. Оруэлла «1984», конфликт партийной номенклатуры с технократией в поздней советской истории) следует заметить, что точка бифуркации, в которой оказалась Россия и окружающий мир с началом специальной военной операции на Украине (24 февраля 2022 г.), вынуждает по-новому присмотреться к идеям технократии применительно к вынужденной автаркии России в новых геополитических условиях.

Современные формы технократии, расцветающие на ниве тотальной цифровизации, проявляются и за рубежом [7]. Достаточно упомянуть влияние

на политику и политиков транснациональных интернет-гигантов калибра «Мета»* (*признана в России экстремистской организацией) медиамагната Марка Цукерберга, а также технократические инициативы американского супермиллиардера Илона Маска, в том числе в сфере развития искусственного интеллекта. Приобретаемая Маском в 2022 году компания «Твиттер» (американский сервис микроблогов и социальная сеть) имеет изрядный потенциал и практический опыт вмешательства в государственную политику и экономику.

Очевидно, централизация в целенаправленном управлении при прочих равных условиях *всегда* эффективнее децентрализации, если только информация о состоянии управляемых объектов и процессов полна и достоверна, располагаемые ресурсы учтены и находятся под контролем, а сигналы управления не запаздывают и не искажаются. Конечно, существуют проблемы эфемерности в определении целей и волюнтаризма в централизованном руководстве, неоднократно в истории приводивших тоталитарные управленческие системы к кризисам и революциям. Но в условиях прямой цифровой демократии, на принципиально новой технологической базе всё это представляется преодолемым умом и волей государства.

Если образно представить, что каждый безналичный рубль (или иная финансовая единица), эмитированный Центробанком, станет своего рода компьютером, который «знает и помнит» все транзакции, всех сопричастных юридических лиц, все ресурсы, которые он задействовал для получения добавленной стоимости новых продуктов (товаров, услуг), то посредством математики можно выстроить в существенной мере детерминированный стратегический процесс оптимального (с точки зрения демократического большинства) и устойчивого экономического развития страны на обозримую перспективу, предусмотрев в нём, при необходимости, и сценарные развилки по принципу «если, – то...».

Тогда хаотичные по существу отношения свободы договора, рыночный монетаризм и пресловутая «невидимая рука рынка», согласующие спрос и предложение, станут атавизмами, по крайней мере в отношении удовлетворения основных государственных и общественных нужд. Либерально-рыночные случайности, в том числе внешнего характера, сменятся управленческим детерминизмом – мощным акселератором и локомотивом целевого развития.

При таком подходе стратегически важные результаты будут достигаться инвестициями по обязательным государственным заданиям, выработанным алгоритмами оптимального планирования и управления. Первоначально – для юридических лиц, а в будущем – напрямую для цифровых киберфизических производств и других компонентов производительных сил, находящихся в распоряжении государства, с широкими возможностями конструктивного протекционизма (дотирования, субсидирования), инфраструктурного, энергетического и информационного содействия, межотраслевого бартера и игры «в долговую», системно и устойчиво работающих на результат.

Речь в первую очередь идёт об управленческих преобразованиях в таких стратегически важных сферах, как наука, образование, системы государ-

ственного управления и критическая информационная инфраструктура, внешняя торговля, разведка и добыча полезных ископаемых, использование других природных ресурсов, военное дело, обеспечение безопасности и правоохранительная деятельность, оборонные производства, ресурсоёмкие инфраструктурные проекты (энергетика, транспорт, индустриальное жилищное и промышленное строительство), космическая деятельность, передовая электроника, производство средств производства (станкостроение, тяжелое машиностроение), стратегические материалы, медицинское обеспечение и фармацевтика, продовольствие, водоснабжение, удовлетворение иных жизненно важных для «сбережения народа» государственных и общественных нужд, включая государственную монополию на алкоголь.

Другие отрасли реальной экономики, как представляется, могут оставаться во власти частной собственности, конкурентного среднего и мелкого бизнеса, рынка труда и капитала, свободы договора, но в пределах финансовых средств, имитируемых и контролируемых Центробанком (а не внешними заимствованиями).

Пока же в качестве наиболее приоритетных российских инвестиционных проектов в общественном сознании отметились трубопроводные – «Северный поток», «Южный поток», «ВСТО» (Восточная Сибирь – Тихий океан), «Сила Сибири», остановленный «Северный поток-2», а также публично-имиджевые – саммит АТЭС во Владивостоке-2012, Всемирная Универсиада-2013 в Казани, Зимняя Олимпиада в Сочи-2014, Чемпионат мира по футболу-2018, инноград «Сколково», расширение части Москвы в Московскую область, федеральная территория «Сириус» в Сочи. Индустриальное исключение составляют разве что Крымский мост, беспрецедентное расширение московского метро и продолжающееся строительство космодрома «Восточный». На подходе – необходимая промышленно-экономическая помощь признанным в 2022 году Россией Донецкой и Луганской народным республикам.

Установлению в дополнение к «диктатуре закона» «диктатуры плана» и решительному манёвру в перспективном государственном планировании в интересах мобилизующего развития России сегодня способствует тот факт, что в рамках сложившейся в стране модели периферийного капитализма государство и так практически вынуждено жёстко регулировать российскую рыночную экономику. Осталось «всего лишь» перейти от регулирования к проектному государственному управлению «в отдельно взятой стране». Тем самым будет создан эпохальный цивилизационный прецедент на фоне надвигающегося общего кризиса либеральной модели мировой экономики и постмодернистского «конца истории». Российский проект «Госплан 2.0» по историческим последствиям может быть сопоставим с ядерным и космическим проектами СССР.

Реализации такого проекта объективно способствуют: установление в 2020 году федеральным конституционным законом приоритета Конституции Российской Федерации перед международным законодательством, международными договорами, решениями международных органов, идеология и внешняя политика державности (духовной суверенности), независимость президентской властной вертикали от богатейших бизнесменов России (олигархов) – поборников прибыли, ресурсная самодостаточность, высокий об-

разовательный и духовный потенциал нации, сплочённость общества перед лицом внешних и внутренних угроз, блокад и русофобий.

Немаловажно и наблюдаемое в последние годы рекрутирование на государственную службу в высшие органы государственного управления современных государственных деятелей – технократов, находящихся в продуктивном возрасте (М. В. Мишустин, С. В. Кириенко, А. Р. Белоусов, Ю. И. Борисов, Д. Н. Чернышенко и др.).

Если же отказаться от мобилизующих политико-экономических реформ, продолжая привязанную к Международному валютному фонду (МВФ) либерально-монетаристскую экономическую политику и бумажное стратегическое планирование, Россия рискует, в лучшем случае, продолжить экономическую стагнацию: 1–2% экономического роста, наблюдаемого уже целое десятилетие, с долей инновационных товаров, работ и услуг на уровне около 6% и с глобальным инновационным индексом на уровне Вьетнама и Индии, что категорически не способствует снижению бедности, сбережению народа и укреплению обороноспособности страны. А впереди ещё ожидаемое снижение (пресловутый «отрицательный рост») ВВП из-за антироссийских санкций, преодоление которого, по некоторым оценкам, может растянуться на десятилетие.

Таким образом, в новых исторических обстоятельствах в России объективно возникает, без малого, новый «национальный интерес»: переход к качественно новой форме стратегического планирования – научно обоснованному и технологически обеспеченному централизованному государственному планированию, отвечающему вызовам времени.

СТАРТОВЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ И КОМПЕТЕНЦИИ

В действующей Стратегии «интерес» к централизованному государственному планированию в явном виде не обозначен. Не найти этой темы и среди заявленных в Стратегии стратегических национальных приоритетов, включая «Научно-технологическое развитие» (пункты 68–76 Стратегии).

Упомянутые выше Основы продвинулись дальше. В подпункте «и» пункта 42 Основ среди задач научно-методологического обеспечения стратегического планирования обозначено «методическое обеспечение формирования и функционирования единого цифрового информационного пространства в интересах стратегического управления в Российской Федерации». А в пункте 43 Основ заявлено, что научно-методологическое обеспечение стратегического планирования осуществляется *специализированным научным центром* с участием научных организаций и федерального государственного бюджетного учреждения «Российская академия наук» (ФГБУ «РАН»).

В интернете есть информация о замысле Президента РАН А. М. Сергеева создать такой центр в виде структурного подразделения академии – с консолидацией участия учёных разных профессий (математики, IT-специалисты, экономисты, социологи, политологи). Возникает, однако, сомнение в правомочиях ФГБУ «РАН» своими силами решать научно-технические задачи такого масштаба. Ведь предметом её деятельности как юридического лица в

пределах государственного задания по результатам реформы государственных академий обозначены всего лишь «обеспечение преемственности и координации», экспертные оценки, а не собственные исследования и разработки (Устав ФГБУ «РАН», утверждённый Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 июня 2014 г. № 589).

С 2021 года функционирует Центр изучения стратегического планирования (ЦИСП) в структуре ИМЭМО РАН. Созданы в этой сфере научные и образовательные организации отраслевого (медицина и биология, строительство, экология) и даже партийного характера – научно-практический центр стратегического планирования и управления экономикой при Президиуме Генсовета ВПП «Единая Россия».

Судя по материалам, представленным в интернете, в контексте «гайдаровского» государственного регулирования экономического развития страны за 30 лет новейшей истории России в области прогнозирования и планирования трудились учёные и специалисты ИНП РАН, ИЭ РАН, ЦЭМИ РАН, РАНХиГС при Президенте РФ, ФУ при Правительстве РФ, СОПС (в составе ВАВТ Минэкономразвития России), ВШЭ и ряда других научно-образовательных организаций. Но особенно отметились руководители и эксперты созданного в 1999 году Фонда «Центра стратегических разработок», почившего ныне в бозе от практической бесполезности. Он сочинял за приличные бюджетные средства «Стратегию развития страны 2018–2024» в стиле универсальных рекомендаций Всемирного банка и МВФ: искоренить коррупцию, провести демонополизацию, снизить государственное участие, защищать конкуренцию, сдерживать инфляцию и обеспечить доступность кредитов⁴.

При этом законодательство позволяло понимать под стратегическим планированием некоторые желаемые на будущее состояния экономики и социальной сферы, а вовсе не научно обоснованный расчёт динамики наилучшего использования национальных ресурсов для ускорения движения к намеченной цели.

Существуют, правда, в России и альтернативные научные школы. Например, Научная школа стратегического планирования Н. И. Ведуты, возглавляемая российским экономистом-кибернетиком, заведующей кафедрой стратегического планирования и экономической политики Факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова Е. Н. Ведута. Данной школой развивается научная методология перспективного планирования, предусматривающая управленческую киберреволюцию с использованием алгоритмов динамической модели межотраслевого баланса [6]. Готовятся и соответствующие кадры.

Нельзя не упомянуть альтернативную убеждениям либеральных рыночников позицию академика РАН С. Ю. Глазьева. Его видение экономического развития через призму смены мировых технологических и мирохозяйственных укладов и идеи мобилизующего сочетания централизованного стратегического планирования с механизмами рыночной конкуренции [8] представляются сегодня вполне злободневными. Примечательно, что С. Ю. Глазьев

⁴ Стратегия развития России 2018–2024 // Центр стратегических разработок : [сайт]. URL: <https://strategy.csr.ru/> (дата обращения: 31.05.2022).

оказался в санкционном списке США ещё со времён «Крымской весны» – с 2014 года.

Однако в отсутствие правовых начал реформы в сфере стратегического планирования научные подходы упомянутых выше «пророков в своём отечестве» остаются практически не востребуемыми. И данное жизненно важное направление государственного строительства остаётся зашоренным теми, которые, как писал М. Жванецкий, «лучше других не понимают» преимуществ централизации в планировании.

Думается, реализация изложенных выше взглядов на ренессанс в России централизованного государственного планирования возможна лишь политической волей и силой президентской властной вертикали, способной инициировать необходимые и достаточные изменения в федеральных законах, включая некоторые положения Конституции России, а также сформировать команду профессионалов, одержимых новыми идеями государственного управления в современном мире.

Отправные точки лежат в сфере компетенций профильных рабочих органов Совета Безопасности Российской Федерации – межведомственных комиссий по проблемам стратегического планирования, по вопросам обеспечения технологического суверенитета государства в сфере развития критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, а также соответствующих секций научного совета при Совете Безопасности РФ. Эти органы призваны непосредственно участвовать в выработке проектов государственных решений, утверждаемых главой государства и обязательных к исполнению (под контролем аппарата Совета Безопасности РФ).

Представляется целесообразной подготовка с их участием правового акта о создании в России в структуре федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, нового органа – министерства стратегического планирования (название условное) с соответствующим перевоплощением действующего сегодня Минэкономразвития России. Такой орган видится как симбиоз чиновников-управленцев, учёных соответствующих профилей и высококлассных IT-специалистов, использующих для «вычисления» оптимальных стратегических планов суперкомпьютеры, интернет вещей и другие необходимые компоненты. Очевидно, в ведении такого министерства должна быть хотя бы одна научная организация в форме федерального государственного казённого учреждения, образованная, например, на базе ЦЭМИ РАН.

О РОЛИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

Время покажет, будут ли располагать властные органы России достаточно продолжительным временным периодом для перехода от рыночной к смешанной экономике и освоения начал директивного централизованного государственного планирования. Или функции такого рода придётся оперативно исполнять в структуре высшего органа государственной власти, аналогичного Госкомитету Обороны СССР, постановления которого будут иметь силу

закона и которому будут подчиняться все государственные органы, включая Правительство и Центральный банк.

При этом стране должно хватить ума и воли пройти между Сциллой и Харибдой, избежав, с одной стороны, управленческой авантюры, аналогичной китайскому «большому скачку», с другой – заката и гибели русской цивилизации, уготованных Вашингтоном.

Свою роль в решении данной национальной проблемы, безусловно, должно сыграть *российское научное сообщество* – на конвергентном стыке общественных, технических и формальных наук.

В этой связи отечественная наука, как представляется, должна обоснованно ответить на следующие принципиальные вопросы:

1. Вычислима ли алгоритмически сюръекция денежных единиц, эмитируемых Центральным банком России, на движимые этими деньгами компоненты производительных сил и результаты труда в реальном секторе российской экономики?
2. По каким критериальным показателям следует определять оптимальный перспективный стратегический план-проект социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности (выживания) России?
3. На какую глубину по времени выстраивать такой план-проект и как часто его обновлять (руководствуясь общим правилом: смотреть дальше, выверять при необходимости чаще)?
4. Как технологически, технически и организационно выстроить человеко-машинную информационно-управляющую систему, реализующую государственный план-проект на директивной (для государственных нужд) и контрактной (для иных нужд) основе?
5. Какие изменения в российском законодательстве, включая законодательство о научной и научно-технической деятельности, способны обеспечить предлагаемую реформу стратегического планирования и управления?

В отношении критериальных показателей представляется уместным заметить, что их, несмотря на великие вычислительные мощности супер-ЭВМ, не должно быть много. В противном случае целенаправленное стратегическое управление становится неподвластным человеческому уму, ментально существующему в трёхмерном мире, и по этой причине оно не может претендовать на валидность и общественное признание.

Чтобы граждане России доверили своё будущее машинным алгоритмам и IT-технократам, при поиске оптимального стратегического плана-проекта представляется необходимым и достаточным опереться не более чем на два представительных показателя, исчисляемых в динамике (по кварталам, годам), а как функционал – на конец планового периода длительностью T_n :

$V(T_n)$ – достигаемая на конец планового периода совокупная добавленная стоимость продуктов и услуг; от неё линейно зависят размер валового внутреннего продукта, всевозможные «прибыли» и «доходы», но последние принципиально вторичны; данный показатель в принципе аддитивен по времени и может исчисляться с нарастающим итогом;

$Z(T_n)$ – достигаемый на конец планового периода уровень безопасности жизни в России; показатель такого рода, очевидно, не аддитивен по времени и подлежит дифференциальной оценке в динамике планового периода.

Второй показатель необходим в силу справедливо заявленной в Стратегии (пункт 3) неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости национальной безопасности Российской Федерации и социально-экономического развития страны.

Количественно он может быть выражен, например, в виде усреднённой по социуму априорной (на начало первого года оставшейся каждому жизни) вероятности человека расстаться с жизнью (абсолютно все мы смертны!) «все-го лишь от старости», не будучи погибшим на войне, от чрезвычайного происшествия, стихийного бедствия, голода, несовместимой с жизнью травмы, невылеченной болезни, суицида, отравления алкоголем и иных жизненно опасных факторов, от которых нас оберегают силы и средства обеспечения национальной безопасности во всех её проявлениях (военная, государственная, общественная, экологическая, продовольственная и др.); от данного показателя, кстати, предусмотренного государственной статистикой смертности, напрямую зависит средняя продолжительность жизни в России, да и качество жизни тоже.

Компромиссный по предложенным показателям – «оптимальный» план-проект найдётся на соответствующем двумерном множестве Парето, для которого характерна невозможность улучшить план-проект по первому показателю, не ухудшив его по второму. При таком подходе задача вычислительных алгоритмов в системе перспективного стратегического планирования сводится в первую очередь к выявлению указанного множества средствами дискретной математики (с перебором вариантов) и/или математического анализа (с решением дифференциальных и иных уравнений и неравенств). Очевидно, математические модели количественной оценки указанных показателей с целью их максимизации, будучи совершенно различными, должны всё же предусматривать использование одних и тех же управляемых переменных, в качестве которых изначально выступают денежные инвестиции.

Заметим, что в данной формальной постановке отсутствует характерная для либеральной экономики цель минимизации затрат. Здесь затраты – это эмитируемые Центробанком рубли в объёмах, обеспеченных, например, российскими золотовалютными резервами и иными ликвидными активами. Они должны тратиться полностью, но с максимальной по показателям $V(Tn)$ и $Z(Tn)$ пользой, выражающей «эффективность» развития.

С позиций философии науки ожидаемые инициативы отечественных учёных и специалистов на поприще стратегического планирования в Российской Федерации видятся в контексте общемирового развития так называемой *постнеклассической* науки. Данный термин возник на фоне исторических переходов от классической науки XVII века – 20-х годов XX века с её механистической картиной мира к неклассической науке XX века с её квантово-механической парадигмой и далее – на рубеже XXI века – к новому революционному постнеклассическому этапу, очевидцами которого мы являемся.

Для современного этапа, наряду с продолжающимися дисциплинарными исследованиями и дифференциацией научных отраслей, стали характерны междисциплинарные и проблемно ориентированные формы исследовательской деятельности, порождающие не только специальные, но и универсальные, синтетические, в некотором смысле наддисциплинарные научные знания [9]. Такие знания сегодня формируются в областях кибернетики, системного анализа, синергетики, нелинейной динамики, анализа больших данных, футурологии применительно к открытым саморазвивающимся природно-техногенным системам, сознательно прогнозируемым, планируемым, проектируемым и создаваемым человечеством на базе научных и технологических достижений.

Образцом таких систем, безусловно, является система производительных сил, включая природные тела и силы, и экономических отношений России на современном этапе развития страны.

Крайне важно, что с подобными системами нельзя свободно экспериментировать. Их эволюция нелинейна, принципиально необратима, требует особой ответственности создателей в силу риска возможных катастрофических последствий и непременно содержит «человекообразные» компоненты, а значит – гуманитарную, в том числе идеологическую и этическую составляющую. Соответственно развивается и обогащается содержание таких категорий научной рациональности, как «теоретическое объяснение», «обоснование», «предвидение» (в том числе в форме планирования) в их применении к различным областям практики. Всё это, с одной стороны, разнообразит научную деятельность, побуждает современных учёных к невиданным ранее – интегрирующим – свершениям, с другой – повышает градус их ответственности перед Отечеством и всем миром.

При этом в связи с блокированием международных связей (коопераций) российских научных организаций и отдельных учёных новым серьёзным вызовом для них становится надвигающаяся научная автаркия России. Этот вызов, ещё не вполне осмысленный соответствующими государственными органами и организациями, уже публично обозначен уничижительным слоганом «провинциализация российской науки». Как ни крути, в составе «Больших вызовов», на которые ориентирована утверждённая в 2016 году Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642), такой вызов совершенно не предвиделся.

В складывающихся условиях приходится констатировать, что господствующий сегодня либеральный крен в управлении отечественной наукой, выраженный положениями Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» от 23 августа 1996 г. (!) № 127-ФЗ, не способствует мобилизации и интеграции учёных умов для решения стратегически важных внутренних междисциплинарных проблем. Ведь, согласно действующему закону, государственные органы в сфере науки лишь «обеспечивают...», «гарантируют...» и «признают право на обоснованный риск», а по существу, – руководствуются принципом «исследуйте, если можете, что хотите, лишь бы Хирш смотрелся».

Актуальные меры по реформированию системы управления отечественной наукой, предусматривающие появление единого интеллектуального заказчика фундаментальных и поисковых исследований для государственных нужд в лице новой профильной госкорпорации («Роснаука»), предложены в авторской статье [10].

В заключение следует констатировать, что у России при опоре на её интеллектуальный потенциал есть все возможности выстоять в войне умов и алгоритмов в наступающей эпохе цифрового мира.

Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 как одна из национальных целей развития предусмотрена «цифровая трансформация».

В рамках этих стратегических замыслов Правительством Российской Федерации принято Постановление от 12 октября 2020 г. № 1674 «О проведении эксперимента по созданию, переводу и развитию государственных информационных систем и их компонентов на единой цифровой платформе Российской Федерации «ГосТех» (на базе федерального казенного учреждения «Государственные технологии», подведомственного Минцифры России»).

Не позднее 2024 года, как предполагается, в «ГосТех» мигрируют все федеральные госинформсистемы, и она станет стандартной и обязательной средой для цифровизации государства, в том числе его новой системы стратегического планирования.

Таким образом, технологические предпосылки для перехода к централизованному государственному планированию назрели. Только осталось ли у России историческое время ждать результатов эксперимента?

ЛИТЕРАТУРА

1. Паршев А. П. Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остаётся здесь. М. : АСТ, Астрель, 2006. 352 с.
2. Ильницкий А. М. Ментальная война России // Военная мысль. 2021. № 8. С. 19–33.
3. Криворучко В. В. Бритва Оккама в научно-технической политике // Наука. Инновации. Образование. 2016. Т. 11, № 3. С. 27–44.
4. Кокошин А. А. О национальных интересах и национальной безопасности. М. : ИСПИ РАН, 2017. 33 с.
5. Система моделей народнохозяйственного планирования. Под ред. Н. П. Федоренко, Э. Ф. Баранова. М. : Наука, 1982. 375 с.
6. Ведута Н. И. Социально эффективная экономика. М. : Изд-во РЭА, 1999. 254 с.
7. Курпатов А. В. Четвёртая мировая война. Будущее уже рядом! СПб. : Капитал, 2019. 400 с.
8. Глазьев С. Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М. : Экономика, 2010. 254 с.

9. Стёпин В. С. Философия науки. Общие проблемы : учеб. для системы послевуз. проф. образования. М. : Гардарики, 2006. 382 с.

10. Криворучко В. В. О ключевых мерах по реформированию российской науки // Управление наукой: теория и практика. 2021. Т. 3, № 4. С. 36-43. DOI: <https://doi.org/10.19181/sntp.2021.3.4.4>.

Статья поступила в редакцию 11.05.2022.

Одобрена после рецензирования 10.06.2022. Принята к публикации 14.06.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Криворучко Владимир Викторович *dok.krvv1954@yandex.ru*

Доктор технических наук, секретарь научного совета при Совете Безопасности Российской Федерации (2005–2014), Москва, Россия

DOI: 10.19181/sntp.2022.4.2.13

ON THE MATTER OF RUSSIAN SCIENCE SIGNIFICANCE IN THE RENEWAL OF THE CENTRALIZED STATE PLANNING

Vladimir V. Krivoruchko¹

¹Independent researcher, Moscow, Russia

Abstract. The article analyzes the actuality and problematic issues of the transition to the qualitatively new form of strategic planning in the Russian Federation – centralized development state planning of the state social and economic development and national security protection. Potentiality of this kind of planning for improvement of the strategic management effectiveness and Russia survival provision in the face of new threats and challenges from collective West is noted. Certain possibilities are considered and actual issues of national science in the terms of the centralized state planning renaissance on the new methodological and science and technology base are outlined.

Keywords: advanced planning, autarchy, technocracy, money emission

For citation: Krivoruchko, V. V. (2022). On the Matter of Russian Science Significance in the Renewal of the Centralized State Planning. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 4, no. 2. P. 123–142.

DOI: 10.19181/sntp.2022.4.2.13

REFERENCES

1. Parshev, A. P. (2006). *Pochemu Rossiya ne Amerika. Kniga dlya tekhn, kto ostaetsya zdes'* [Why Russia is not America. The book is for those who stay here]. Moscow: AST, Astrel' publ. 352 p. (In Russ.).
2. Ilnitsky, A. M. (2021). Mental warfare in Russia. *Military Thought*. No. 8. P. 19–33. (In Russ.).
3. Krivoruchko, V. V. (2016). Ockham's razor in science and technology policy. *Science. Innovations. Education*. Vol. 11, no. 3. P. 27–44. (In Russ.).
4. Kokoshin, A. A. (2017). *O natsional'nykh interesakh i natsional'noi bezopasnosti* [On national interests and national security]. Moscow: ISPI RAN publ. 33 p. (In Russ.).
5. *Sistema modelei narodnokhozyaistvennogo planirovaniya* [The system of models of national economic planning]. (1982). Ed. by N. P. Fedorenko, E. F. Baranova. Moscow: Nauka publ. 375 p. (In Russ.).
6. Veduta, N. I. (1999). *Sotsial'no effektivnaya ekonomika* [Socially efficient economy]. Moscow: REA publ. 254 p. (In Russ.).
7. Kurpatov, A. V. (2019). *Chetvertaya mirovaya voyna. Budushchee uzhe ryadom!* [The Fourth World War. The future is near!]. St.-Petersburg: Kapital publ. 400 p. (In Russ.).
8. Glaziev, S. Yu. (2010). *Strategiya operezhayushchego razvitiya Rossii v usloviyakh global'nogo krizisa* [The strategy of advanced development of Russia in the context of the global crisis]. Moscow: Ekonomika publ. 254 p. (In Russ.).
9. Stepin, V. S. (2006). *Filosofiya nauki. Obshchie problemy : ucheb. dlya sistemy poslevuz. prof. obrazovaniya* [Philosophy of science. Common problems: Studies. for the after-school system. prof. education]. Moscow: Gardariki publ. 384 p. (In Russ.).
10. Krivoruchko, V. V. (2021). On Key Measures to Further Reform Russian Science. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 3, no. 4. P. 36–43. DOI: <https://doi.org/10.19181/sntp.2021.3.4.4> (In Russ.).

The article was submitted on 11.05.2022.

Approved after reviewing 10.06.2022. Accepted for publication 14.06.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir V. Krivoruchko dok.krvv1954@yandex.ru

Doctor of Sciences in Engineering, Secretary of the Scientific Council under The Security Council of the Russian Federation (2005–2014), Moscow, Russia